

Александр Мардань

Вдвоем с одиночеством

Хорошо знать своего противника значит наполовину победить его.

Кто-то из военных

День не задался с утра.

Перед самым выходом из квартиры я обнаружила, что колготки порваны, пришлось в спешке переодеваться. Лифт не работал. Спускаясь по лестнице, я поняла, что каблук вчера все-таки поломался, вернулась, переобулась. Пока ходила за продуктами, чуть не потеряла мобильный, к тому же промокла, потому что не взяла с собой зонтик. Ну совершенно не хочется думать о дождях в мае! А приходится, такая у нас в этом году весна. Поздняя... В довершение всего я полчаса пыталась взломать собственную дверь, которая упорно не хотела впускать меня домой.

Наконец-то! «Здравствуйте-здравствуйте, всем привет». А никого нет.

Я стала вынимать покупки – хлеб, зелень, понятно, – а это что за письмо счастья мне подсунули? Яркая открытка, «суперпредложение». «Уик-энд в Париже. Мы ждем вас и вашего спутника в субботу на нашем вечере». Сегодня, в семь. Все брошу и полечу, как спутник. «Сотрите защитный слой, вас ждет приз!» Прислали лохушке заманушку. Бесплатная гостиница, зато двойная цена на перелет. Бокал шампанского и много лапши на уши. А с другой стороны: столько любителей выпить на шару в одном месте...

Нет, все успеть невозможно. Я посмотрела на часы, но они опять остановились, а кукушка, после того как бывший муж стукнул по домику, вообще больше ни разу не показывалась. Пора

купить нормальные, электронные. Я же теперь свободная современная женщина, не то что раньше. Хотя никогда я себя домашней курицей не считала, чтобы там моя Машка, а ныне фройляйн Мари, не говорила. Никакая я не наседка, и не хороню себя в четырех стенах. Просто уезжать в Германию не хочу, а по ее мнению, жизнь есть только там.

Интересно, кто мне звонил? Любопытно, всегда волнуюсь, когда автоответчик прослушиваю.

«Мамуль, привет! У меня все зашибись. Зачет сдала. Через неделю приеду. Испеки шарлотку, ладно? Я тя лю». Записала, на субботу – яблоки.

«Привет. Сегодня в семь. Приду с моим соседом. Симпатичный мужик. И без «не хочу» и «не буду»! Не захочешь – не будешь. Привет борщу». Машка! Спасибо за предложение. Напросилась на борщ, с соседом вприкуску.

Я поставила бульон на плиту и решила попить кофе, подумать.

Когда гости из Европы, это обязывает. Даже если бывшие наши. Хотя бывших наших не бывает. И лучший способ угостить – наверное, именно этот: приготовить что-нибудь из детства. Машка так и сказала: «За борщом зеленым соскучилась». Видать, в Германии щавель не уродил. Хотя странно, конечно. «Хочу зеленый, – говорит, – я его так в детстве любила!» Не помню я, чтоб мы в детстве первое любили, тогда любой суп был наказанием.

Хорошо хоть предупредила заранее, я бульон успела сварить. Постный борщ для гостей – это неприлично. Дома пусть на воде сидит. У меня на курином бульончике будет, и не тяжело, и вкусно. Знай наших! Мы на гостях не экономим. По одному бутербродику на гостя не подаем. И борщ готовим правильный, на бульоне, в каждую тарелку по три яйца. Перепелиных. Деликатес! Мы и на себе не экономим, лично я кофе пью хороший, пусть растворимый, и конфеты покупаю настоящие, шоколадные. Себя надо любить.

Или все-таки – не себя? Он ненавидел перец горошком. Сидел над тарелкой и возил ложкой. Боялся, что раскусит. Ну, раскусишь, и что? «У меня изжога». И возил этой ложкой, пока суп не остынет... Мама, конечно, считает, что с перцем я была права, не надо было класть. Не надо было злиться! Не хочешь быть одинокой – будь доброй. А мужчин это разве не касается? Как же

меня раздражало, как он пену снимал! Зачерпнет – и по блюдцу ложкой: дзынь-дзынь, ну просто повар со стажем. И смотрит ласковым, как терка, взглядом. Не нравится – скажи прямо! А сам резинку жует. И вроде бы не чавкает, но звук... как железо по стеклу. Хотя глупости все, конечно, мелочи. Не из-за этого же разошлись. Остыло все, как суп.

Или не остыло? Почему же, когда мама спрашивала – он с кем-то живет или один – я в слезы? И лук резать начинала, чтоб это скрыть. Она как придет, я передник на шею и... Интересно, догадывалась ли она? Делала вид?

Я стала нарезать лук, размышляя, что устрою сегодняшнему гостю проверку, брошу побольше перца. Посмотрим, будет ли он горошки в тарелке ловить.

А вообще, зеленый борщ я не очень, да и муж не любил. Не помню даже, когда варила, придется готовить по записям, по книге.

Можно с картошкой, а можно только с рисом. Две жменьки. Как мама учила. Когда мы с Машкой были маленькими, риса было всего два. Глупо звучит – два риса. Два вида. Или два сорта? В общем, круглый и длинный. Конечно, лучшим считался длинный, он казался по-настоящему восточным. И наши мамы из него варили плов. Так они думали. На самом деле это была рисовая каша с жареной морковкой. Но нам не с чем было сравнивать. Сейчас, конечно, все иначе. Риса в продаже сколько хочешь и какого хочешь. И длинный, и круглый, и белый, и коричневый. Есть даже дикий. Хотя на самом деле он вообще не рис. Я читала.

Две жменьки. А он считал, что нужно точно. Стаканчик купил мерный, с черточками. Ему цена три копейки! Забрал, когда разъезжались. Говорит: тебе не надо, ты все руками меряешь. Неужели он всегда был таким? Когда встречались, мне нравилось, что аккуратный.

А может, у человека всегда так? Вкус меняется. Потихоньку, незаметно. То, что раньше не нравилось, становится приятным. Суп, например. А что любил – надоедает, после вообще начинает раздражать. Поэтому люди и разводятся. Выходила замуж за настоящего мужчину. Идеал, солидный, не болтливый, спокойный. Прошло десять лет, и я возненавидела его тупое молчание, непробиваемое спокойствие. Десять лет понадобилось, чтобы понять – это просто лень. Лень говорить, возражать, спорить. Лень

волноваться, переживать. А ведь, наверное, и ему что-то во мне нравилось, потом разонравилось.

Кажется, я все-таки волнуюсь. Нет, не волнуюсь. Боюсь? Между прочим, я в таких ситуациях всегда себя веду по-дурачки. Неестественно. Да вообще – не хочу!

У всех такая арифметика: один это плохо. Два это хорошо. Два лучше, чем один. Но мы все у себя одни. Почему два лучше? Я сто раз спрашивала, никто не знает. Два – хорошо, а три – снова плохо. Причем всем троим. Выходит, чет лучше, чем нечет? «Как важно научиться понимать, насколько лучше чет, чем нечет, чтобы при каждой новой встрече нам на одной странице книгу открывать». Кому важно, какую книгу? Жизни, что ли? По их логике, только ноль хуже, чем один.

Один аргумент у меня точно имеется. Нож. Хорошо наточенный. Символ! Классика жанра – песенка про одинокую женщину, которая делает вид, что у нее все супер, только ножи... Нет в доме мужика, и ножи тупые. У меня острые. Точильщику ношу. Все просто: его будка возле нашего рынка. Симпатичный такой дедок. Клиентов мало, и он целый день сидит на табуретке у дверей, курит и с соседкой, что на втором этаже, разговаривает. Орет ей на всю улицу: «Не приходят. Не надо теперь точить. Понакупили всякой дряни с кнопками. Комбайнёры!». И ругается так, что вся улица икает. Оказывается, его внучка тоже купила кухонный комбайн, а старую мясорубку выбросила. Дед простить не может.

Машку волнует, что ножи мне точит чужой дедушка, а не мужчина средних лет. Она хочет, чтобы я завела точильщика и забивальщика гвоздей, который умеет вкручивать пробки. Говорит, что я себя захопнула. Все попытки объяснить, что мне этого не надо, игнорирует. Считает, что я гордая и стеснительная. Говорит, у них ценятся женщины, которые не только по дому все делают, но и готовят. Убираться-то просто, сплошная техника, только кнопки дави. Тоже комбайнеры! А вот еда... Они там от домашней кухни совсем отвыкли, им обычный борщ деликатес. Говорит: «Поехали к нам в Германию. Готовишь ты хорошо». И кем буду, домработницей? Она говорит: «Да. Это самый короткий путь к счастью».

Хороша страна Германия. Там если у безработного есть собака или две, то на каждую в месяц по 150 евро выплачивают. Животное должно нормально питаться. Интересно, размеры собаки

оговариваются? Правда, на пенсию женщины там в 67 лет идут. А при разводе, неважно, кто виноват, муж платит жене 500 евро в месяц, пока она снова не выйдет замуж. Почти как на три собаки. Еще Маша рассказывает, что среди наших есть дураки, которые как напьются, произносят тост «За Германию без немцев». Есть уже такая, Калининградская область называется, но туда что-то не сильно едут. С немцами Германия вкуснее.

Увлеченно нарезаю щавель, я, как всегда, упустила момент, и лук на сковородке сгорел, пришлось выбрасывать.

Главное другое: гость, мистер Игрек. Сколько ему? И где он сосед, тут или там? В бывшем Машкином доме живет? А это хрущевка... Принц без лифта. Борщ без лука. Ладно, никуда не денешься – надо резать снова.

Одновременно можно варить яйца. Сегодня – не простые, перепелиные. В четыре раза меньше, в два дороже. В нашем детстве были только куриные. Я все пыталась понять, какие вкуснее, коричневые или белые, хотелось попробовать то и другое сразу, но дома всегда были только одного цвета. А однажды мы с Машкой чуть пожар не устроили. Поставили яйца варить, а по телеку кино с Ален Делоном. В результате они спеклись. Я кастрюлю драила, а Машка полотенцем, как пропеллером, дым из кухни выгоняла. Ален Делон! Первая любовь. Нет, первая была в детском садике. Тоже брюнет. А когда выросла, одни шатены были. Теперь кто? Пора переходить на седых и лысых? Кстати, бритье в моде, говорят, что это эротично. На уровне подсознания, наверное. Чтобы раньше девочка влюбилась в лысого? А вообще, как говорила моя бабушка, «ученые доказали», почему мы влюбляемся. Все дело в запахе. У каждого свой, как отпечаток пальца. Ты даже не осознала ничего, а мозги уже влюбились. В запах. Внешность без разницы. Неприятная теория. Мне не нравится. Как это, от меня ничего не зависит? Я тут решаю, хочу знакомиться или нет, а придет Геракл засушенный, и я в него влюблюсь, потому что он с одколоном угадал! Хотя здесь, спасибо луку, такие ароматы...

Надо все-таки выбросить этот мусор. Я взяла пакет, чтобы вынести в мусоропровод, но ключ, провернувшись в дверном замке, тихо хрустнул и сломался, оставив в моих руках навсегда осиротевшее ушко, а в замке инородное тело.

Удачный день продолжался.

Конечно, я не сразу поняла, что выйти не смогу. Что с той стороны не откроют, ключ не вставят. Значит, я в субботу не выходная. И не входная...

Нет, надо что-то делать. Решила, что могу ему позвонить. Ничего, соберется, придет. Сначала немного понудит. Главное, чтобы успел до семи, а то нехорошо получится – он, гость, я. В роли эстафетной палочки.

Позвонила. Потом еще. В душе, спит, не хочет на мой звонок отвечать? Подождать? Перезвонить еще?

Стоп, нервы дороже. Обращусь к профессионалам, я у них дубликат заказывала. И замки ремонтируют, и экстренным вскрытием занимаются. Взломом. Нет, взлом – когда нет хозяев, а по заказу – вскрытие. Когда замок умер. Фирма называется «Золотой ключик», причем с их ценами – это они не кокетничают. А новый замок по цене, наверное, вообще платиновый получается.

Позвонила по всем указанным номерам, но трубку нигде не взяли.

Ладно. Говорят, неважно, ситуация хорошая или плохая, она в любом случае изменится, буду ждать. Вернее – продолжать приготовления, столько еще нужно успеть. Пока протираем тарелки.

Запахи, запахи... Химия. Вот, оказывается, какая наука главная. А я-то больше увлекалась литературой. Думала, она все объясняет. Пойму, почему Марья Кирилловна не согласилась с Дубровским бежать, и будет мне в любви все ясно. Зря надеялась. Химию надо было учить. Может, Дубровский тогда был... где ему в лесу мыться? Еще и раненный. Значит, пахло от него в тот момент потом и кровью. Поэтому она за ним и не пошла. Не сознательно отказалась, так мозг скомандовал: не надо! Кровь, грязь, страшно, смертью пахнет.

Против химии может помочь только другая химия. Например алкоголь. Это сейчас молодым в загсе по полному бокалу шампанского дают. Тогда, разумеется, не наливали. Где – в церкви, что ли? А вот выпила бы Маша шампанского – и прощай, хорошо пахнущий князь Верейский! Мозг бы отключился – и помчалась бы красавица за молодым Дубровским.

Сейчас вообще про это много пишут: запахи, гормоны счастья. Духи специальные выпускают. Надушился и счастлив? Как много, оказывается, способов стать счастливым. Что-то выпить. Чем-то

подушиться. Что-то понюхать. Покурить. Таблетку принять. Укол сделать. Счастье, оказывается, не состояние души, а химическая реакция. Один недостаток: проходит быстро, вместе со здоровьем. Поэтому нам нужно счастье естественным путем получить. Через сердце. И немного через желудок. У нас свои феромоны. В счастливом доме должно вкусно пахнуть – пирогами, приправами. Борщом. Не зря, наверное, говорят: семьи, в которых каждый день варят суп, распадаются в последнюю очередь.

Как всегда, тарелки я протерла дважды – сияют, немцам не снилось. Не специально, конечно, автоматически. Замечталась. А он говорил – неаккуратная! Ну, думал... Некоторые умеют так громко думать! Не захочешь, а услышишь.

А может, согласиться – в Германию? Если у тебя жизнь не такая, как хочется, надо придумать другую. Буду кухаркой. Пора их, наконец, научить. Они что делают: когда борщ готов, вынимают капусту, буряк, картошку – и в миксере растирают, в кашу. А потом обратно выливают. И эта бурда у них – борщ?! Или вместо сметаны сладкие сливки добавляют. Кошмар! То ли дело у нас. Кстати, пора попробовать.

Решила перекусить, а то гости опоздают, и я буду кусаться. Или дело не в этом? Не из-за голода же я так агрессивно настроена.

А борща много вышло, не съедим, останется. И кому? Оля только на выходные приедет, борщи столько не живут. Да она его и не любит, боится лишнюю ложку проглотить, чтоб в джинсы влезть. Любая мини-юбка приличнее, чем эти штаны. Я как-то увидела, как она на улице присела, кеды зашнуровать. Ужас! «Штаны подтяни, все видно!». А она – спокойно: «Я знаю». А кеды? Мы такие только на физкультуру надевали. Но вообще-то, она у меня хорошая, зря ворчу. Сейчас, перед отъездом, обняла, говорит: «Мам, а давай тебя замуж выдадим? А что, ты еще совсем не старая и не толстая». У нее один критерий: толстая – не толстая. Помешалась на фигуре. Они сейчас все такие, думают, главное, чтобы ребра выпирали. Глупенькая.

Так хочу я знакомиться или нет?

Что делать, когда не знаешь, что делать? Бери листочек и дели его пополам. На одной половине, в колонку, все аргументы «за», на другой – «против». Плюс – минус. Потом смотришь, чего больше. Простая арифметика.

Я взяла старую тетрадку с записями. Какие рецепты... Прошлый век. Трюфели. Мы с Машкой делали. Сухое молоко, масло, какао. Двенадцать коржей! Это я такое пекла?! На это же целый день надо угробить. «Когда придешь, позвони мне на работу». Это он. Мобильных не было, записки писали. Всегда так – без обращения. «Позвони». И все. Лаконичный до скупости. Вообще, не сказать, чтобы он был жадный, но не щедрый. Это – разница. Хорошо, что нам не пришлось квартиру делить. Боюсь представить. А так у него родительская освободилась.

Пишем рецепт счастливой жизни. «Надо. Не надо». Нет, не так... «Нужен». «Не нужен».

«Замуж выдадим». Оля просто не представляет, что это такое – чужой мужчина. Мы же вместе жить будем. Ванная по утрам. Кто что по телевизору смотреть будет? Музыка громче или тише? Белье где попало не бросишь. Это с родным папой легко и просто, привычно. А тут посторонний человек. У Оли чуть что – слезы, переходный возраст, обидчивая. И я буду между ними метаться? И одну ее пока не оставишь, восемнадцать лет. Себя вспоминаю. И с бабушкой жить не лучший вариант. У мамы от одних ее джинсов давление прыгнет, а еще любимую музыку включит? Нет уж, спасибо. Значит, очко не в его пользу. Даже если он милый, как Санта-Клаус, и Оле понравится. Я буду стесняться. Не его – ее. Мне для счастья норка нужна. Что я говорю? Норка! Не мех, конечно, не шуба. Норка. Нора. Свое гнездо. Убежище. Где уютно и нет никого лишнего. Чтобы никто не видел, какими глазами я на любимого смотрю, и как он меня по голове гладит. Никто. Даже дочка.

Машка сказала: только не устраивай торжественный прием, белую скатерть и салфетки в кольцах, не надо, давай посидим по-старому, как раньше. Но хоть какую-то красоту можно устроить? Сервиз, фразе. Я, например, люблю свечи на стол ставить. Когда маленькая была, любила смотреть на огонь. Меня папа как-то на рыбалку взял с ночевкой, мы костер развели, картошку пекли. Мне она не понравилась, сначала – сильно горячая, а когда остыла – невкусная. Только руки пачкала... А в костер я влюбилась. Смотрела на пламя и не могла оторваться. Дома такого огня, конечно, не было. Газ на кухне? Не то! Он не красный, а голубой, и горит ровно. «Не колыхается», как я говорила. Папа смеялся... В общем, плита

скучная, во дворе костер разводить нельзя – мальчишки пару раз сухие листья подожгли, так дворничиха родителям пожаловалась!.. И вдруг зимой стали отключать свет. Не помню, почему, но пару раз в неделю по вечерам мы сидели при свечах. Все расстраивались, что нельзя смотреть телевизор, «Семнадцать мгновений весны» или хоккей, мама еще переживала, что сидит без дела – куча стираного белья, и не погладить. А я радовалась. Потому что зажигали свечи. Я садилась у стола и смотрела на огонек, потом играла с ним. Палец ближе, ближе... Бабушка говорила: обожжешься! Мама ворчала: пускай – будет знать! Я рассердилась – и сунула палец прямо в огонь. Больно было, конечно. Потом нашла способ – быстро-быстро проводила по самому огоньку, он лизал пальцы, а обжечь не успевал. Вот Оля совсем не такая. Если я предупреждала – не трогай утюг, не подходи к собачке, то она не трогала и не подходила. Я – совсем иначе. Знала, что огонь обжигает, – и все равно лезла. Все равно пыталась найти способ прикоснуться.

Решено, поставлю несколько маленьких свечей. И не будет это выглядеть как интимный ужин, нас же трое. Свечи – это так уютно!

В поисках свечей я углубилась в шкафчик. И от романтики польза – нашла супницу. Раритет. Как это я ее не выкинула? Главное, чтоб в нее влезло. Столько лет я все на троих готовила. Потом на двоих. Потом на одну. Нечет. Чет. Нечет. Арифметика. Конечно, элегантно – подавать суп в такой емкости. Но дома, где все свои, переливать туда-сюда? Проще из кастрюли. Сервиз имени свекрови. Подарок, на двадцать четыре персоны. Как в этой квартире столько могли поместиться? Только стоя. А сама всю жизнь из кастрюли наливала, на всех один нож на столе, зато в гости придет: «Что вы супницей не пользуетесь?». Сегодня попользуюсь. Сразу два раза, первый и последний. Правильный стол накрою. Сообразим на троих на высоком уровне. Кстати, и со спиртным пора определиться.

Как за последний год все изменилось: такая коллекция спокойно в баре стоит, и прятать не надо. Коньяк к борщу не годится. Значит, гостю водка, нам вино. Хотя к селедочке я бы пила водочку. Но нет, нехорошо, мужчина придет знакомиться, а я – водку?

Убрала бутылки в холодильник. Ну и что? Чихать, что он подумает. Лично я его не звала. Изображать трезвенницу не собираюсь. Да, не двадцать, курю и водки не чурюсь. А еще у меня

дочка, мама-гипертоник и аллергия на кошек. И без стыда признаюсь, что не люблю джаз, а люблю оперетту. А кому не нравится – драг нах Дойчланд. И дальше по тексту.

Опять я развевалась. Никто от меня ничего не требует. Не захочу – не буду. Налью соискателю и все пойму. Человек, когда выпьет, сразу проявляется, как негатив... на фотобумаге. Главное, чтоб буянить не начал. Всякое бывает. Мой становился придирчивым. «Почему Оля бросила музыку? Как – не хочет ходить, почему не заставила? Где программа на неделю, я на телевизор положил, где она?» А часы? «Мне этот дятел надоел. Выключи ее! Пусть часы будут, только без «ку-ку». Как это – нельзя выключить?» Подошел – и кулаком...

Вот так... жили-были... дочку родили. Он очень сына хотел, но на второго не решились. В общем, были муж-жена, а стали папа-мама. А потом она выросла и уехала учиться, и мы опять стали мужем и женой. Нет, вру, не стали. Как-то все само собой сошло на нет: он не дотронулся – я не прикоснулась. Я не позвала – он не повернулся. Пауза затянулась... Перешла в обиду. А потом как-то уже и не хотелось. И тогда стало ясно: папа такой, может, и нужен, а муж – нет. Наш брак стал похож на загнутые в разные стороны ресницы на одном глазу. Бумаги на развод подаю, адвокат спрашивает: муж пьет, бьет, гуляет? Говорю: нет. «Значит, так и запишем – не сошлись характерами»...

А если заново? Трудно представить, но бывает. Разводятся, расходятся, а через пару лет опять съезжаются. Потому что другой семьи не вышло, а бывший муж все равно родной. Я бы могла так? Могли бы мы опять? Нет. Не смогли бы. Я бы не смогла. Год прошел. Больше – пятнадцать месяцев. А у меня его фраза в ушах звенит: «Тебя никто не выдержит!». Никто?! Нет, на зло ему. Чтобы доказать. Просто ради эксперимента. Неужели он прав? Неужели меня нельзя выдержать? Можно меня выдержать, даже если на руки взять.

Я решительно достала из холодильника бутылку. Это надо отметить: в графу «нужен» – плюс, в рюмку – спиртное. Символично, пару капель, и закусить конфеткой... Какая дура поставила коньяк в холодильник? Вот так, живешь сама, наливаешь сама, к себе и все претензии.

Конечно, одиночество это свобода. Но это когда не навсегда, когда с ним можно расстаться. Бывают моменты, когда самой лучше, хочется забраться в раковину, как улитке. А потом проходит время – и выглядываешь, смотришь, не идет ли кто. И который твой? Хорошо самолетам: у них есть позывные «свой – чужой». А у людей нет. И как свое счастье от чужого отличить?

Мне что, нравится быть одной? Смотря когда. Спать одной ложиться тоскливо. А просыпаться? Просыпаться веселее. Я с утра не красавица. Люблю себя в порядок привести. Кофе выпить без свидетелей и без разговоров, молча. А у него по утрам всегда были вопросы. А я: «возможно, наверно». Сердился. Кто вообще сказал, что женщины болтливые? И Оля меня понимает, никогда с утра не дергает, мы очень душевно молчим вдвоем. В общем, засыпать с мужиной приятно, а просыпаться... Где бы такого взять, чтобы к утру исчезал? Искать вампира. Кстати, про чеснок в салат я так и не решила.

Достала салатницу, попробовала. Нет, без чеснока – не то. И потом, вампиры же не только кровожадные. Энергетические опаснее. Сидишь, общаешься, потом еле до кровати доходишь.

А может, все-таки кулинарный тест устроить? Борщ пересолить. Посмотрим, как жених себя поведет. Скажет: «Влюбилась хозяйка!». Банально. А если поймет, что специально? Встанет и уйдет. Значит, нервный и без чувства юмора. Такого нам не надо. А если будет молча есть? Соляной барьер высокий? Или покорностью берет? Чем еще берет? Борзыми щенками? Автопокрышками? Да и потом, проблема ведь не в здоровье, хороших манерах, чувстве юмора или его отсутствии. Это все детали. Настоящая проблема в том, чтобы найти того, с кем хотелось бы проснуться! Нет, не буду я пересаливать. Борщ жалко!

А селедку я хорошую купила, вкусную. Сейчас картошку – ломтиками, сверху селедочку, потом лучок зеленый, маслинки. Красота! Кстати, в одной кулинарной книге увидела такой рецепт: картошка, селедка, лук, уксус. И называется все это салат «Пикадилли». Интересно, англичане в курсе? Наша самая простая закуска – и Лондон. Где связь? Хотя говорят, там уже полмиллиона наших, скоро в Лондонград переименуют. Ладно, назовем «Пикадилли». И еще один салатик – у приятельницы на дне рождения была, рецептик позаимствовала, хоть что-то хорошее за вечер.

Не люблю дни рождения. Заканчиваются еще хуже, чем начинаются. Поздно, темно. «Все девчата парами, только я одна». Начинаются разговоры – кто проводит? Некоторые молчат, другие рассуждают, кому в какую сторону ехать. В результате провожают взглядом, а я такси заказываю. Водитель мрачный, на руке наколка «Вася», представляется Петей. Счетчик не работает. Нет, кавалер нужен! Ставим плюс.

Не хотелось мне на этот день рождения идти, но она звала так настойчиво. Вот как объяснить, что без мужа на домашних застольях некомфортно! Прихожу, сажусь с краю. Тут какая-то... вешалка для бижутерии... захихикала: ой, вам на углу нельзя, примета такая, замуж не выйдете. Я улыбнулась на все тридцать два с металлокерамикой и говорю, что хочу немножко отдохнуть от предыдущего замужа, поэтому специально села поближе к балычку, Вам ведь жирного нельзя? Она от возмущения чуть маслиной не подавилась. Конечно, на ней блузка по швам трещит. А рядом пара. Он достает из ее сумочки платок, сморкается и кладет обратно. Понятно, что муж и жена. Уставился на меня. На тарелку мне подкладывает, в рюмку подливает, потом пачку протягивает, зовет на балкон. Соврала, что не курю. Сам пошел. А жена в тарелке ковыряет и глаза поднять не может. Тогда я ей водку налила. Себе тоже плеснула. Она со мной чокнулась, залпом выпила, зажмурилась, вроде от водки, а у самой вот-вот тушь потечет. Все меня, одинокую, жалели, а она завидовала. Муж на нее внимания обращает не больше, чем на швабру, но она от него не уйдет. Потому что у нее двое детей и секретаршина зарплата. Понятия не имеет, как квартиру разделить, и кому она нужна в сорок три с двумя пацанами? С мужем плохо, а без него... Не умеет и боится. И завидует. Но никогда в этом не признается, даже себе. А я умею быть одна, я и без мужа себя с дочкой нормально содержу. Он, правда, ей иногда подкидывает что-то, по мелочи, на кино и колготки. А в основном мы сами. Нелегко, конечно, но не смертельно. В общем, могу сама и не хочу слезы вытирать. Минус. Минус – большой и жирный! Где у нас графа «Не нужен»?

Нужен – не нужен. Подруга на работе говорит: ты нерешительная, выбрать не можешь, бери в пример Скарлетт. Притащила, не поленилась, «Унесенные ветром», два тома. Толстящие! Скарлетт.

Красотка в локонах. А характер железобетон. «Парень, к ноге, к ноге, кому сказала?! Пошли под венец!» Три брака за десять лет и все по расчету, ни одного мужа не любила, а если какая проблема – «Я подумую об этом завтра».

Наверное, другая не сидела бы тут с борщом, а поехала бы на этот рекламный вечер. Ресторан, незнакомые люди, музыка. Так и знакомятся. Может, дело в том, что мы не так уж давно разошлись. Еще слишком помнится, как было больно и плохо. Пока еще нравится быть одной. А может, уже пора решиться? Может, и в самом деле выиграю поездку в Париж? Сижу в кафе на Елисейских Полях, и тут подходит он!.. Ален Делон.

А мне зачем прямо сейчас что-то решать? Ну, придет... Может, такой жуткий, что и думать не о чем. Мне еще не так плохо, чтоб вместе с кем попало. А вдруг наоборот, красавец мачо? И я ему не понравлюсь? Тогда тост добрых женщин: «Пусть плачут те, кому мы не достались! Пусть сдохнут те, кто нас не захотел». А если я никогда не влюблюсь? Чем бы это счастье ни пахло. Инстинкт самосохранения? В молодости сначала больно, потом приятно. В зрелости – наоборот: сначала приятно, а потом больно. Часто – очень.

Я попыталась раздвинуть кухонный стол, но не смогла справиться с механизмом. Но я же его раскладывала! Попытка номер два удалась. Да. Все сама-сама – тяжело. Надо ставить плюс. А потом его упрашивать что-то сделать? Лучше сразу ни на кого не рассчитывать, а вызвать мастера и заплатить. Вон, все столбы в рекламе, «Муж на час». Зачем на всю жизнь? Значит – минус. Итого: плюс-минус. В результате ноль. Ничья... И я ничья...

Ничья, нерешительная, в разводе всего год, и ничего мне пока не надо, а он, гость? Почему в нашем возрасте один? Почему его никто не охмутил, вон сколько вокруг решительных. Характер тяжелый? Жадный? Интересно, он с цветами придет или без? Прагматики считают – лучше конфеты. А я больше цветы люблю.

Вазу я все-таки принесла, заодно и скатерть разложила, приборы расставила, в центр стола – супницу. Красота, знай наших. Только стол, оказывается, шатается. Раньше не шатался. На меня в кафешках официанты как на ненормальную смотрят. Я сажусь и сразу начинаю искать, что под ножку подsunуть. Интересно, в парижских кафе столики шатаются?

Муж в последний раз принес семнадцать роз. У меня день рождения семнадцатого. Но было грустно. Я уже тогда понимала, что мы вот-вот расстанемся. Вспоминалось хорошее, такое вспомнилось, что и рассказать не могу. Не потому что неприлично, а потому что слов таких нет. В общем, было в нашей жизни прекрасное – жалко, что серо закончилось. А розы стояли красивые, но через несколько дней умерли, как все умирает. С тех пор цветы не покупала. А еще мне грустно, когда показывают соревнования ледорубов... нет, ледорезов. Которые статуи из льда вырезают. Дворцы, лебеди, жар-птицы. Все сверкающее, хрупкое, но скоро растает. Как любовь.

Вернемся к гостю. Может, все-таки переперчить борщ? Вдруг больной, и буду я всю оставшуюся жизнь слушать про изжогу и каши варить. А если с желудком в порядке? Перец ничего не даст, только ужин испорчу. А потом его радикулиты растирай.

И все же, если здоровый, почему один? Неуживчивый? Мне только придирок доставало. Или ревности. Аферист? Квартиру захапает. А что, сейчас легко, главное деньги на юриста иметь, все что хочешь отсудить можно. Или вон по телеку показывали: любовь, чувства, а через неделю ни денег, ни ценностей.

Все мы такие умницы, красавицы, продвинутые, образованные. «Двенадцать стульев» читали, или, по крайней мере, кино смотрели. Но каждая уверена, что чувства настоящие! Никто себя мадам Грицацуевой не считает... Надо же, опять литература не помогает.

Нет, ерунда. Афериста Маша не приведет. У нее все четко: аусвайс, фейс-контроль, отпечатки пальцев. Я знаю, что мне не нравятся. Мне не нравятся мужчины, которых друзья с женщинами знакомят. Я-то люблю решительных. Напористых, сильных. А тот, которого водят и невест ему демонстрируют... Минус! Хотя на улице я тоже не знакомлюсь. Они же ко всем пристают, озабоченные.

Правда, однажды встретился... Вежливый. Давно. На улице поскользнулась, упала. Сумку уронила, все рассыпалось. Вдруг машина рядом останавливается, дорогая, красивая, водитель выходит, руку подает, помогает подняться. Рука крепкая, взгляд уверенный. «Женщина, у вас голова кружится? Вас подвезти?» Так захотелось сказать: кружится. Но подумала – муж, дочка. «Нет, – говорю, – спасибо, все в порядке».

Хорошо, тогда это можно было объяснить моей верностью. Хоть звучит красиво. А сейчас? Неуверенностью, ленью, занудством, фригидностью? Чего сию, ситуация-то все равно не меняется. Решено, звоню ему еще раз.

Какой приятный женский голос... «Он не может подойти, перезвоните через полчаса». Ну, погоди, позвонишь – попрошу гостя трубку снять, надеюсь, с голосом у него все в порядке. В графу «Нужен» ставим плюс! Надеваем красивое платье, туфли на каблуках, любимый кулон, серьги.

Теперь бы прорубить окно в Европу... Вот и пригодился топорик, который столько лет пролежал в углу шкафчика. Никогда не думала, что так легко с этим справлюсь, два удара – и все, теперь я выходная. И входная. Коня на скаку остановит, топориком дверь отопрет.

Стоило ненадолго отлучиться – новое сообщение на автоответчике. Это Машка, точно, с детства у нее талант – звонить именно в те минуты, когда я занята.

«Здрасьте. За хлебом вышла? Слушай внимательно. Гостю тапочки не подсовывай, в Европе обувь не снимают. В туалет два рулона бумаги. И удели внимание белью, чтобы одного цвета. Может, уйду пораньше. И не душись много. Дурной тон. Скоро будем».

Так. Ну, все. Спасибо, Маша, я запомнила. Где мой рецепт счастья? Нужен – не нужен, плюс-минус, чет-нечет. Долой! Порвала эту бумажку на мелкие кусочки.

Я знаю, где надо знакомиться. На презентации. Фуршет, коктейль... И меня кто-то пригласит на чашку кофе. В Париж, где столики не шатаются. И все в белье. Одного цвета.

Моя тарелка на этом столе явно лишняя, убираю. А записку гостям я решила воткнуть в дверь. «Заходите, не заперто. Борщ на плите, остальное в холодильнике. Не забудьте сметану. Борщ с ней вкуснее, как Германия с немцами. Руки об скатерть не вытирать. Будете уходить – дверь прикройте плотно».

Если плотно прикрыть, то не заметно, что не заперто. И вообще – кто заметит? Верхний этаж, посторонние сюда не забираются. А если заберутся?.. Я подумаю об этом завтра! Всем привет!

Я теперь выходная и все могу. Может, я схожу с ума? Да, схожу. С того ума, который был, я схожу. И сажусь на другой.

В конфетнице на холодильнике я нашла брошенную туда рекламную открытку, положила в сумочку и направилась к выходу из кухни. Теперь все будет по-другому.

Кукушка из настенных часов прокуковала семь раз впервые за последние семь лет.

